

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

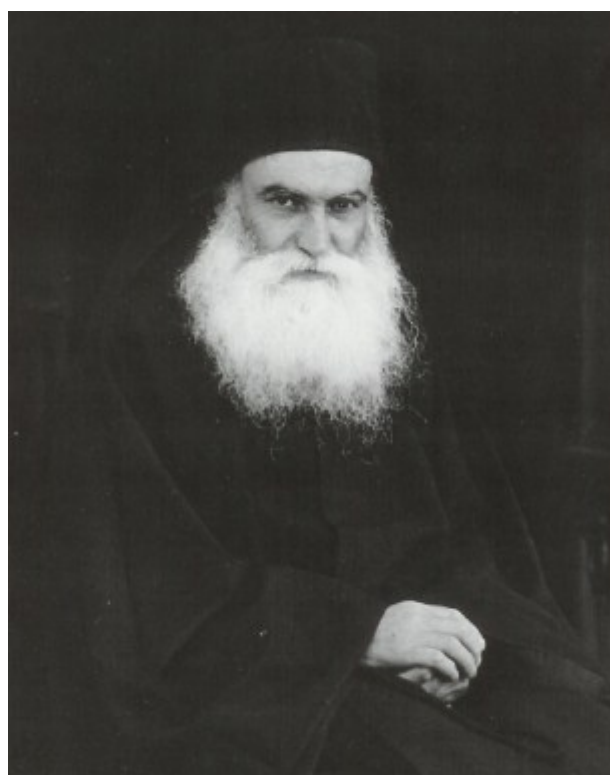
Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

О послушании. Старец Ефрем Катунский

Старец Ефрем Катунский (1912–1998) — один из известнейших афонских подвижников XX столетия, ученик старца Иосифа Исихаста. Еще при жизни он получил широкую известность как подвижник, стяжавший благодатные дары от Господа. Это был истинный ученик Христов – носитель богодухновенного святоотеческого предания.

Старец Ефрем прожил на Святой Горе 65 лет (42 года послушником) и всей своей жизнью прославил святое послушание, явил его своим личным жизненным опытом, во всей глубине и полноте. Поэтому не случайно, что именно он, столько лет подвизавшийся в послушании, так много укреплял и поддерживал в 80-х годах молодые братства, которые возрождали общежительный устав святогорских монастырей. Ведь краеугольный камень любого общежития – это послушание своему старцу-игумену.

Предлагаем читателям поучения Старца о послушании, которое является основой основ правильного монашеского устройства.

СТАРЕЦ ЕФРЕМ КАТУНСКИЙ

Послушание

Одна монахиня мне написала: «Батюшка, мы слышим, — что турки скоро придут, и не знаем, что нам делать».

— А! Послушай, дорогая моя, — говорю я ей, — у тебя нет послушания, потому что, если бы ты имела послушание, тогда бы ты думала так: «Какое мое дело? Как игуменья скажет». Там ведь игуменья матушка М.? Ну, так вот: как матушка М. скажет. Остальное меня не касается.

Вот это послушание. А если боишься - значит, имеешь свое хотение, свою волю.

Все вы хорошо знаете, что наш старец Иосиф был истинный исихаст и делатель умной молитвы. Но не исихазм и умную молитву он нам преподавал в первую очередь, а преподавал нам послушание, общежитие.

Если вы внимательно проследите по книгам святых Отцов, то увидите, что многие из них достигли святости как бы даже с легкостью: души их освятились без совершения чрезмерных трудов, без необычайного принесения себя в жертву, без исполнения крайних аскетических подвигов. А почему? Они избрали послушание.

Послушание приносит человеку не только телесное бесстрашие, но и духовное.

Исследуйте глубже, откуда исходит послушание. От Триипостасного Божества. Христос говорит: «Я сошел... не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня...» (Ин. 6,38). Отсюда начинается послушание. Поэтому, кто творит послушание, тот становится подражателем Христу!

Я опытом убедился, что послушание превышает молитвы.

Хочешь получить дар молитвы? Хочешь, чтобы, когда говоришь: «Господи Иисусе Христе», из твоих глаз текли реки слез? Хочешь прожить ангельскую жизнь? Тогда: «Благословите», «буди благословенно». Вот что такое послушание!

Человеку немало нужно потрудиться, чтобы не доверяться своему суждению. Отлучился твой старец — спроси брата своего, и как он тебе скажет — так и поступи. Уничтожение собственное — это немалый труд, но иначе ничего не получится. По-другому не выйдет! Если хочешь последовать монашескому закону — ступай по этому пути.

Спросили как-то монахини отца Герасима Песнописца:

— Отец Герасим, что значит слепое послушание?

— Я вам отвечу, — говорит. — Вот сказала игуменья: «Евпраксия, принеси стакан воды», — ты приносишь, — «Вылей воду», — ты вылила. — «Ах ты, бестолковая, зачем вылила воду!» — «Простите, благословите». Не оправдываешься: «Но ведь вы мне сами сказали вылить воду». Нет, не так. «Благословите», — вот это и есть слепое послушание.

Если не оказываешь такого послушания — не поднимаешься вверх по духовной лестнице. Видишь, что старец сказал: «Слепое послушание — это когда не оправдываешь самого себя не только по отношению к своему старцу, но и перед братом твоим. И перед братом твоим не оправдывайся, но всегда имей самого себя ниже и хуже всех».

Тот, кто живет в послушании у своего старца, подражает Христу, Который послушлив Отцу Своему (Ср.: Флп. 2, 8). Тогда Бог благословит того, кто Ему подражает.

Если что-либо просите у старца — предрасполагайте ваш помысел. Если старец исполнит просимое, говорите «буди благословенно». Если не исполнит, опять — «буди благословенно». Не настраивайтесь на то, что старец вас послушает, тогда если старец и не исполнит просимое, то вы не будете унывать.

Часто и мы, старцы, может, и делаем какую ошибку; но если ты все исполнишь по послушанию, то для тебя это обернется к лучшему, а не к худшему. Никогда послушание «не выйдет боком», потому что оно есть подражание Христу.

Жил в послушании — пойдешь в Рай!

Не живешь в послушании — не можешь умно молиться, нельзя причащаться, нельзя служить — ты уготовлен в ад. Вот ведь и Адам, и пророк Елисей и Гиезий: все эти примеры нас убеждают, какие именно добродетели более всего угодны Господу. И другие добродетели содействуют спасению, но ни одна из них не имеет той силы, какую имеет послушание. Поэтому более всего прилежайте в послушании.

Я так вам скажу: от нас зависит, чтобы тот свет, который внутри нас, то есть благодать, мог усиливаться или уменьшаться. Если сейчас благодать в «пять градусов», завтра можем сделать ее в десять, тридцать, пятьдесят, сто. И от нас же зависит, если сейчас она в «десять градусов», — сделать ее в восемь, пять, три, один... А происходит это от самоотречения, убежденности, благоговения, уважения, которое мы имеем к нашему старцу. От нашего послушания своему старцу этот свет возрастает. Не только старцу, но и друг другу будем оказывать послушание.

Блажен тот брат, который, прежде чем завершит свой наказ старец или кто из братьев, скажет: «Буди благословенно». Один из братьев сказал тебе: «Иди сюда, брат, поможешь мне». — «Буди благословенно». Последуй этому пути и увидишь, какой мир ты почувствуешь внутри! Какой покой!.. Ну, а если скажешь: «Подожди пять минут, я приду»,-э-э...

Я вам расскажу об одном случае, который мне запомнился. О том, как человек утверждает в своем помысле, в своем мнении, так сказать, и не желает спросить кого-нибудь другого.

На Каруле жил один монах, вот как-то он мне и говорит:

— Отец Ефрем, я болен, приди меня причастить.

— Ладно. Приду и причащу тебя, в такой-то день после литургии.

У меня есть такая маленькая коробочка, как вот эта чашечка кофе, которая герметично закрывается. Я ее вешаю на грудь, как крест, и спускаюсь вниз, чтобы причастить того, кто имеет нужду в этом.

Когда священник разрезает частицы, берет одну маленькую частицу (как чечевичное зернышко), кладет ее в святую лжицу и опускает в Честную Кровь. Так соединяются Тело и Кровь. Затем идешь и причащаешь брата, который тебя об этом просит.

Отслужил литургию. Когда я закончил потреблять, тогда вспомнил, что забыл взять частицы со святого дискоса, чтобы положить их в Дароносицу, ну и облагородить их [т. е. пропитать Кровью Христовой]. Забыл. Что поделаешь, я ведь тоже человек, забываю. «Брат, — говорю, — потерпи немного, я забыл».- «Хорошо».

Извещаю его опять, что в такой-то день буду служить, но уже внизу на Каруле. «Отслужу и там же тебя причащу». Он мне говорит: «Все же возьми Дароносицу с собой. Если увидишь меня в церкви, тогда я там и причащусь, а если меня нет, значит я не смог, и тогда придешь причастить меня в мою каливу».-«Буди благословенно».

Отец Ефрем, — говорю я себе, — ну-ка собери мозги хорошенько, потому что сейчас их явно тебе не хватает. Ну вот, служу я, на антиминс кладу Дароносицу-коробочку, чтобы иметь ее на виду, когда положу частицу. Заканчиваю. Потребляю Дары. Ну, бестолковый какой, опять забыл! Да что ж это такое, что это за напасть такая!

— Брат, прошу прощения, опять забыл. Буду служить у себя, наверху, специально приду на Карулю, чтобы причастить тебя. Возьму на себя этот труд — спуститься вниз опять, потому что вижу — совсем мозги я растерял.

— Хорошо.

На литургии кладу Дароносицу на антиминс, чтобы ее видеть. Смотрю на Дароносицу, потребляю, и-ничего!

Помяни мя, Господи, да что же такое со мной! Да что же такое случилось со мной! Что тут скажешь? Ну, раз так, тогда я беру ту Дарохранительницу, где мы храним засушенные частицы. В Великий Четверток мы засушиваем частицы как сухарики. Достаяю, значит, ее, расстилаю антиминс, открываю коробочку. Подвожу лжицу снизу, чтобы достать одну частицу, и поддеваю. Не поднимается Святой Хлеб! Надавливаю. Не поднимается! Что такое происходит? Вдруг подскакивает Святой Хлеб (хорошо, что упал на антиминс) — еще немного и упал бы вниз. Испугался! Может, думаю, частицы приклеились к муссе (муссой называется морская губка, которую утрамбовали, и она стала круглой, как камень, и на нее сверху кладем частицы, потому как, куда бы ты ни

положил частицы, губка впитывает влажность) (Так делается в Греческой Церкви (Константинопольской и Элладской). В Русской губка не используется).

Посмотрел на частицы — все в порядке, они свободны. А! Значит, брат имеет препятствие! Вот поэтому я, как служащий, все время забываю его просьбу. Потому что у него есть какое-то препятствие. Ладно, беру Дароносицу и спускаюсь вниз. Причастил его, а потом говорю:

— Отче, хочу сказать тебе один помысел, как твой брат и в большей степени, - как священник.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Поисповедайся.

— Три раза исповедался, — отрезал тот.

— Послушай, брат мой, может, что-то забыл.

— Нет,-говорит,-ничего у меня нет. Три раза исповедался.

— Ах так! Тут я уже не выдержал. Его поведение, его слова меня возмутили. Так разговаривать! Я стараюсь ради пользы твоей душевной... Человек же ты, мог что-то и забыть, как тот монах, что жил наверху, куда потом пришел старец Паисий. Он был из деревенских, и когда пришел час смерти, он никак не мог испустить дух, только все время видел диавола. Тот, кто обслуживал монаха, говорит:

— Видишь демона?

— Да, это демон.

— А-а, отец, — говорит, — это у тебя неисповеданный грех. Спроси демона, что за грех у тебя.

Умиравший спросил.

— Не испустишь духа, — ответил демон.

— Почему не испущу духа, проклятый демон?

— Потому, что у тебя грех неисповеданный.

— Какой грех?

Демон не может ему ответить:

— Ой, Мария, — потом говорит, — меня вынуждает. (С Пресвятой у него вражда, демоны Ее Марией называют.)

В конце концов диавол ему напомнил, что тот монах был когда-то женатым, и те дети, которые рождались, умирали. И когда был последний ребенок, он пошел к одному магу, и тот ему наколдовал. Вот это и было не исповедано монахом. Монах поисповедался, затем упал — и испустил дух.

— И ты, отец, тоже человек, тоже что-то забыл. Он «три раза исповедался»! Я с ним по-хорошему говорю, а он мне... «Отец, — говорю, — то-то и то-то происходит».

— Знаешь, что мне говорит помысел? — спрашивает он.

— Что?

— Ты берешь кусочек хлеба, смачиваешь немного вином и приходишь меня причащать.

— Помяни мя, Господи! Такое делать, отец, да зачем мне это? Ну ладно, тебя я могу не уважать, могу не любить, но хотя бы ради труда, который совершаю, спускаюсь к тебе из дому, чтобы причастить тебя хлебом? — говорю ему. — Где же тогда совесть?

Вот что значит — довериться своему помыслу. И каков результат: он стал недостойн причаститься!

Поэтому пусть никто не доверяется своему помыслу. Послушание — это когда на место своих мозгов ставлю мозги своего старца. Вот это послушание.

Что есть послушание? Выбросить свой собственный помысел и слушать, что тебе скажет твой старец.

Монах: Я хочу спросить — это касается моего личного опыта, как бывает со мной. После повечерия в монастырской гостинице мы стираем простыни, развешиваем, и некоторые из братьев их собирают. Я из тех, кто снимает про-сохшие простыни в сушилке. В тот вечер, когда я иду собирать простыни, потом я долго не могу заснуть, чего не бывает в другие дни, потому что внутренне я разбалтываюсь, и сна нет. И так нарушаю свой распорядок, программу и сильно расстраиваюсь потом.

Старец (не расслышал): И сильно, что...?

Монах: Ну, то есть я послушание исполняю с готовностью, с желанием хожу и собираю простыни, но одновременно знаю, что не смогу сразу же заснуть и встать рано, чтобы полностью совершить монашеское правило. И сожалею об этом. Эта печаль как-то излечивается?

Старец: Излечивается. Дело в том, что ты не положил в основу послушание. Я не смотрю на молитву, а смотрю, как мне жить в послушании. Братья тебе сказали: „Собирай простыни”. Буди благословенно. А Богу все возможно: сейчас ты сокращаешь свою молитву, собирая простыни, ну скажем, на полчаса, а когда ты пойдешь молиться, Господь даст тебе, за твою самоотверженность и исполненное послушание, двойную благодать. Если ты молился, к примеру, ночью три часа и находил благодать, скажем, в „десять градусов”, то сейчас ты думаешь, что не насытишься молитвой, потому что сократил ее время до двух с половиной часов? В большей степени насытишься, потому что зложил основание монашеского жития, монашеского закона.

Мы пришли сюда жить в послушании, а не творить молитву. По-слу-ша-ни-е!

Монах: Я верю в это, но есть какое-то опасение, которое мне все портит.

Старец: Борись с этим и победишь себя. Победишь самого себя.

Вот на днях была память пророка Елисея. Пророк Илия был поставлен помазать, по преемству пророческого дара, пророка Елисея. Помазал. Теперь пророк Елисей, по преемству, должен был оставить Гиезия. Но разве Гиезий оказал послушание? Нет. Когда удалился Нееман Сириянин, Гиезий пошел за ним,- вы знаете эту историю (4 Цар. 5, 20-27),-и говорит:

— Старец послал меня, чтобы ты мне дал часть одежд.

— Возьми.

— И золото.

— Возьми и золото.

— И виноградники.

— Возьми и виноградники.

Он взял, и Нееман ушел. Гиезий вернулся и пошел к своему старцу. Все, что он взял, спрятал, чтобы не увидел старец. Какое помрачение! Он думал, что может спрятаться от пророка. Гиезий, однако, пошел и спрятал все!

— Где ты был? — спрашивает его Елисей.

— В таком-то месте.

— Что делал?

— У меня была работа.

Правду сказал? Первое предательство было, когда солгал Нееману (думал, что спрячется от своего старца). Второе предательство — когда скрыл и не сказал, где был. Опять-ложь. Тогда говорит ему пророк: «Я был там (духом), когда ты брал одежду». Третий раз пророк призвал его к покаянию. Но тот не сказал: «Батюшка, прости меня, я впал в искушение». Ну, тогда, говорит, получай и проказу Неемана.

Три раза призывал пророк его к покаянию, и каждый раз — безрезультатно. Что выиграл Гиезий? И пророческий дар потерял, и здоровье. И какая ему выгода от виноградников и полей? Когда человек здоров — всем он доволен, а когда больной, то — ничего не хочу, ничто меня не радует, потому что я болен. А что унаследовал? Проказу! Так и осталось выражение «проказа Гиезия» — не Неемана, а Гиезия.

Где мы сейчас живем, чуть выше живет в своей каливе Святых Архангелов старец Гедеон. Там раньше был один послушник, который ухаживал за старцами, жившими там еще до Гедеона. Он был когда-то женат, но жена развелась с ним, так как он бесновался. Потом оказался в Дафни (Дафни — психиатрическая лечебница в Афинах) и в конце концов попал на Святую Гору. По крайней мере, пойду, говорит, душу свою спасу. Буду жить в послушании.

Пока оказывал послушание старцам, демон не появлялся. Ночью ходил вниз, на соляные разработки, и возвращался при луне. Во время оккупации ходил собирать соль, чтобы отнести ее в Керасьи (Один из афонских скитов, расположен у подножия горы Афон, повыше Катунак), в келлии, а себе купить лук, или картофель, или фасоль. И ничего с ним плохого не случилось. Однажды сестра его выслала ему из Америки сто долларов, и он положил их в карман. Своеволие. Сразу же объявился демон. Тот монах рассказывал нам, что демон говорил ему: «Ты, может, думал, что я выйду из тебя? А разве Христос не говорит — „сей же род изгоняется только молитвою и постом“ (Мф. 17, 21)? Ты здесь со стариками только ешь и пьешь. И думаешь, что я выйду?» Цель демона

была вырвать его из послушания. И тогда уж он порешит так, как хочет. «Пойдешь вниз, — говорит, — на соляные разработки, и будешь там поститься, и тогда я выйду».

Замысел демона, конечно, не в этом заключался. Он хотел ввергнуть монаха в отчаяние, сбросить в море, довести до самоубийства. И с чего начал демон? С Евангелия. А чем закончил? В конце концов он заставил монаха уйти в мир. Потом уже пришел отец Гедеон.

Покажите мне хоть одного человека, который ушел из монастыря или от старца своего, покинул место своего покаяния и остался послушником... Все-старцы! Все-старцы!

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Не сказал наследуют, а восхищают. Если не понудишь самого себя, то не победишь. Нет, не победишь. «Ленивец говорит: лев на дороге, убийцы на площадях» (Ср.: Прит. 26, 13). Вот так. Ни вперед, ни назад — потому что он ленивый. Если хочешь обрести духовную жизнь — понуждай самого себя. И прежде всего — в послушании.

В Святой Анне жил один старец со своим послушником, который очень часто не слушался своего старца. Случилось это накануне праздника Успения Божией Матери. «Батюшка, — говорит послушник, — пойду, наловлю рыбы. Завтра ведь праздник Богородицы. Что будем есть?» «Чадое мое, — говорит ему старец, — все наши соседи здесь — рыбаки. Часами рыбачат, а сегодня ничего не поймали. Если бы захотела Божия Мать, чтобы мы ели рыбу, тогда они поймали бы и нам дали. Не ходи на рыбалку».- «Нет, я пойду, может, что поймаю». «Не ходи», — повторяет старец. «Нет, пойду», — упорствует послушник и уходит.

Старец понимает, что послушник его впал в грех непослушания. А если случится какое-нибудь большое искушение? Может, поскользнется и упадет в море? Поэтому старец идет в келлию и молится, тянет четки за своего послушника.

А послушник идет к морю, забрасывает донку. Что-то попало на крючок. Он начинает с усилием вытаскивать. Тут появляется черный-пречерный арап со свирепыми глазами, готовый наброситься на монаха. Но какая-то неведомая сила сдерживает арапа. Послушник в ужасе убегает. Демон бежит за ним до

Святой Анны, до самой его келлии. Тут кричит ему демон: «Эй ты, монах! С того момента, как ты ушел, старец тянет четки за тебя. Иначе я утопил бы тебя в море. Слышишь! В море бы тебя утопил!» Вот к чему приводит непослушание.

Помню, когда жив был мой старец Никифор, я в чем-то его осудил. Вечером пошел помолиться. Чувствую, передо мной — словно стена, не могу продвинуться в молитве... «Господи Иисусе... Господи Иисусе...» — не идет! Что-то сделал не так, думаю, где-то согрешил. Вспоминаю весь день: куда ходил, что говорил, что делал. Наконец вспомнил — осудил своего Старца!

Следующий день был воскресенье, и нужно было служить. Что теперь делать? Молюсь: «Боже мой, прости, что я осудил Старца. Согрешил. Прошу прощения». — Без толку! «Ну что же, для меня не будет прощения? Не существует „прости“?» — Без толку. «Но и Петр, Господи, три раза отрекся, и Ты простил его. Я же не отрекся от Тебя. Всего лишь Старца своего осудил. И вот сейчас каюсь. Раскаиваюсь и прошу прощения». — Ничего!

Снова беру четки. Не продвигается молитва! Начал плакать, слезы рекой лились. «Боже мой, Боже мой! Нет для меня прощения? Ты же Бог милости и благоутробия. А меня почему же Ты не прощаешь? И преподобную Марию Египетскую, когда она покаялась, Ты простил. Многих грешников Ты простил и новомучеников, которые были отуречены, Ты простил и помиловал. А для меня нет милости, прощения?»

Так протекли три часа. Всю воскресную службу служил со слезами. И только под конец, чувствую, пришла мирность, сладость, радость. Тогда и начала оживать молитва: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» А-а-а, хорошо. Так смог приступить к литургии.

Итак, не столько страшно осудить кого-нибудь чужого, сколько осудить своего старца. Горе тебе. Скажем так: осуждаешь Самого Бога.

Как-то раз нам привезли мешок с картошкой, на причал, внизу. Послал я одного своего новоначального послушника (сейчас его уже нет в братстве). Но он сказал, что устал, и не пошел. Тогда я сам пошел вниз, чтобы принести мешок. Когда спустился, то увидел остановившийся там моторный катер. Я поздоровался, и два господина, которые были на катере, подошли ко мне. Это были профессора, из университета. «Батюшка, — спрашивает один из них, — может, знаете отца Ефрема, который живет там, наверху?» «Это я», — отвечаю.

Тогда тот говорит: «Батюшка, вы, монахи, воистину блаженны, потому что вы наилучшим образом осуществляете христианскую жизнь».

Когда я вернулся домой, то рассказал своему послушнику о встрече с профессорами. А он мне и говорит довольно-таки нагло: «Ну да, когда они сюда приходят, ты их выгоняешь, а когда сам спускаешься вниз и встречаешь их, то хвалишь». — «Что поделаться, так уж получилось... Ну ладно, давай пойдем в келлии, помолимся часок по четкам». Когда закончили, он приходит ко мне и спрашивает: «Сколько четок ты прошел?» — Отвечаю. «И это за целый час? А я гораздо больше и мог бы еще...» И говорит это с бесстыдством и дерзостью. Я ничего не сказал; пошел, расстроенный, в свою келлию и чуть было не плакал из-за своего чада.

Пошел спать и послушник мой. Где там ему заснуть! Сильнейшие бесовские наваждения. Прибегает весь перепуганный в мою келлию и говорит: «Батюшка, то-то и то-то со мной происходит. Спаси меня». Тогда я сказал ему: «Это происходит со всяким, кто дурно ведет себя со своим старцем и печалит его». Прочитал я над ним молитву, и все у него прошло, все это наваждение. Он ушел и заснул спокойно.

Спустя годы приходит «различительное» послушание. Но в том возрасте, в каком вы сейчас, вы все должны иметь слепое послушание. Помните, что говорит святой Иоанн Лествичник? Пошел старец сперва к новонаначальному монаху, потом — к другому, который монашествовал уже лет 10-15. Говорит новонаначальному:

— Пой песни.

— Благословите, — и поет.

— Пой, — говорит он другому.

— Простите, — отвечает тот.

И тот и другой правильно поступили. Не будет считаться непослушанием ответ второго монаха старцу. А для первого это было бы непослушание, потому что он еще проходит искусы. Новонаначальный должен пройти через колесование на пути неразличительного, т. е. слепого, послушания. Никаких рассуждений — только «благословите».

Когда пройдет 10-15 лет, наступает пора «различительного» послушания, которое есть результат послушания слепого, безоговорочного.

Если ты будешь внимателен, то заметишь, что Христос сначала молится Отцу, а потом приступает к чудотворению.

Продолжение следует

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45

Проезд: ст. метро "Петроградская"

Телефон: +7-812-234-24-27